Андрей Львович Ливадный
Побочный эффект

Глава 1

Крейсер дальней галактической разведки входил в систему безымянной звезды. В ходовой рубке за пультом управления сидели пять человек. Поисковые радары определили наличие трех планет, одна из которых, судя по предварительным данным, обещала быть кислородной.

– Коррекция курса, – проговорила Светлана, навигатор корабля, переключая информационную картинку со своего дисплея на экран первого пилота.

Семен бегло просмотрел колонки цифр и запустил программу сближения, одновременно почувствовав, как заработали двигатели ориентации. Ослепительный диск звезды медленно сполз к боковым экранам, уступая место одной из планет.

Второй пилот удовлетворенно откинулся в кресле.

– Еще один шарик в наш актив, – проговорил он. – Зонды готовы. Расчетное время возвращения – через два часа.

– Не нравится мне этот цвет… – ответил командир, не разделив оптимизм пилота. – Зонды в шахту, – приказал он, – старт автоматический.

Грязно-лиловый шар планеты медленно накатывался на обзорные экраны. Гигантский звездный корабль изящно скользил в пространстве, похожий на серебристого ската, на фоне бурых разводов облачности. Корма звездолета еще лениво сочилась плазмой, остывая после недавнего рывка.

– Вниманию экипажа, – произнес Интерком голосом бортового кибермозга, – вышли на орбитальный виток. Старт разведзондов через 20 секунд.

На пульте пошел обратный отсчет. Навигатор погасила информ и повернулась к командиру:

– Андрей, мы…

Она не договорила, – следивший за стартом разведзондов кибернетик вдруг застучал по клавиатуре пульта.

– Сбой в стартовой процедуре! – в замешательстве выкрикнул что-то непонятное он. – К1, остановить старт! Механизм шлюза… Он не открывается!

– Программа старта остановлена, – монотонно доложил голос кибермозга.

Тишину рубки рванула сирена. Андрей взглянул на аварийный информ и похолодел. В аннигиляционных камерах первого зонда уже

сработало зажигание. Считанные секунды отделяли их от взрыва!

– Система антизащиты! – выкрикнул он, захлопывая забрало гермошлема.

– Блокировка кормовых отсеков!…

Звездолет содрогнулся так, что от вибрации лопнули несколько экранов. Планета угрожающе качнулась навстречу.

– Разгерметизация стартового модуля. – Голос Семена дрогнул. – Перехожу на ручное управление. Алан, дублируй!

– Нарушена внутренняя связь! – Светлана повернулась в кресле. – Кибермозг молчит. Что это было?!

– Капсула ударила в створы шлюза, – ответил Сергей. – Если она проломила их, то еще ничего. А если нет? Внутренние датчики не работают… – Он несколько раз стукнул по клавише, но тщетно…

– Командир, я пойду! – рванулся Алан.

– Сидеть! Здесь нужен робот с высшей защитой!

– Мы падаем! – внезапно сообщил Семен. – Орбита снижается…

В этот момент грянул взрыв. Ослепительное пламя полного атомного распада плеснуло в гаснущие экраны. Сквозь муть пропадающего сознания Семен почувствовал, как заклинило астронавигационные рули ручного управления. Система антизащиты устояла, но теперь звездолет не падал – он рушился на планету.

– Ребята, все живы? – прохрипел он, пытаясь дотянуться до нужной секции пульта.

Ответа не последовало. Пальцы скользили, срываясь с клавиатуры.

Ему все же удалось отстрелить емкости с активным веществом – легкий толчок возвестил о том, что второго взрыва не будет.

Он впился глазами в уцелевшие приборы. Счетчик высоты стремительно гнал к нулю, и Семен внезапно понял, что жить ему осталось всего несколько секунд…

Удар был страшен. Почва разверзлась. Казалось, планета издала тяжкий стон, принимая в свое лоно тысячетонную громаду космического корабля. Еще несколько секунд он по инерции двигался вперед, вспарывая безжизненную равнину, словно чудовищный плуг, и вдруг застыл, неестественно задрав к лиловому небу искореженную и оплавленную корму.

Глава 2

Слезы медленно катились по щекам Андрея. Закрытое забрало гермошлема не позволяло смахнуть их, и они въедались в кожу, обжигая лицо.

Он стоял у входа в новоявленное ущелье перед тремя одинаковыми, бурыми холмиками. В противоположном конце разлома возвышался полузарывшийся в почву, обгоревший корпус корабля.

Рядом с ним стоял, взвизгивая поворачивающимися видеодатчиками, приземистый бортовой кибермеханизм. Над бурой равниной величественно поднимался лиловый диск безымянной звезды.

Великий космос, как все нелепо…

Андрей в последний раз взглянул на могилы и медленно побрел к останкам корабля. В его распоряжении остался час. Светлана умирала, и он должен был решиться. Должен.

За его спиной из-за гребня оплавленного вала вдруг появилась отвратительная, вся покрытая осклизлыми наростами морда какого-то существа. Два близко посаженных глаза тупо обозрели ущелье и остановились на спине идущего человека. Легкий шорох, и животное, отдаленно напоминавшее таракана, вскарабкалось на вал. Его лапы поджались, готовясь к прыжку, двухметровое тело напряженно застыло.

Кибермеханизм, все это время отслеживавший движения существа, решил наконец, что оно агрессивно, и ущелье озарила очередь слепящих молний. За спиной Андрея что-то звонко лопнуло и зачадило; к его ногам упал кусок обгорелого хитинового панциря. Он брезгливо пнул его в сторону и скрылся в распахнутом люке.

В рубке едва тлели две красные аварийные лампы. Светлана лежала в кресле. Она хрипло дышала, оставаясь без сознания.

Андрей подошел к стене, избегая смотреть на три стоявших рядом невысоких цилиндра. Каждый из них заключал в себе мозг одного из товарищей. Он нашел неприметную, в тон стене, кнопку и нажал ее. Переборка легко скользнула в сторону, обнаружив овальный люк преобразователя. Андрей распахнул его и застыл на пороге.

В глубине сферического помещения весело мерцали огоньки, усеивавшие автоматические блоки аппаратуры. Все правильно… Корабль может умереть, а эта комнатушка будет жить во что бы то ни стало.

Андрей сел, не переступив порога, и прикрыл глаза. Три часа назад

ему удалось связаться с искалеченным кибермозгом корабля. Большинство механизмов уцелело при аварии. Компьютер бесстрастно доложил, что им понадобится шестьдесят лет бортового времени для полного восстановления всех систем корабля.

Планета оказалась кислородной, но ее атмосфера не подходила для человеческого метаболизма.

И нет энергии… Есть скудный резерв гермокостюма – на несколько суток. И еще Света… И трое товарищей, которым жить в таком состоянии – всего час.

Андрей прекрасно знал, как действует эта комната, знал необходимые правила и инструкции – все сделано для того, чтобы выжить даже тогда, когда выжить уже невозможно. И все же в душе его стыл безотчетный ужас.

Он встал и, бережно приподняв один из цилиндров, внес его в преобразователь. Хороводы огней взметнулись в неистовой пляске, и черная пасть приемника проглотила то, что сейчас было Семеном.

Андрей пошел последним.

Глава 3

Хищная пасть зубокрыла мелькнула в каких-то сантиметрах от его лица. Лэт отпрянул, одновременно поджав все шесть конечностей.

Тень взметнулась и исчезла. Еще секунду он лежал, подчиняясь инстинкту, прикрытый броней хитинового панциря; потом медленно поднялся и отступил под защиту скалы. Нужно было что-то придумать.

Лиловое солнце стояло в зените, отвесно бросая свои смертоносные лучи на обугленную и раскаленную равнину. Зубокрыл спокойно парил в удушливом мареве, ожидая, пока его жертва появится вновь. Оружие Лэта – увесистая палка с вправленными в нее острыми осколками камней валялась, переломленная пополам, шагах в тридцати. Слишком много шагов.

Зубокрыл убьет его раньше…

Три глаза Лэта беспокойно вращали зрачками в поисках выхода. Инстинкты толкали вперед – рвануться к оружию и ударить! Но что-то иное уже давно поселилось в его маленькой, прикрепленной к плоскому туловищу голове. Это “что-то” все чаще забивало инстинкты, заставляя делать странные вещи. Вот такую палку, например.

Глаза наконец нашли то, что было нужно. Каменный обломок с неровными, острыми сколами, достаточно большой и тяжелый, чтобы проломить панцирь противника. Лэт осторожно подтянулся к нему и обхватил тремя конечностями. Он еще не представлял, как сделает это, надеясь на скрытые инстинкты, уже не раз выручавшие его в подобных ситуациях.

Он выглянул из своего убежища ровно настолько, чтобы враг мог заметить его тень. Стремительная, свистящая смерть ринулась из поднебесья. Лэт поднялся навстречу атакующему зубокрылу и начал вращаться на свободных конечностях – три другие по-прежнему сжимали камень. В последний момент он разжал их, и обломок скалы с силой ударил в шипастую грудь. Что-то глухо хрустнуло, и свет померк.

Через некоторое время Лэту удалось с трудом выбраться из-под недвижимого тела противника. Освободившись, он выпрямился и издал победный клекот. Зубокрыл был мертв! Он разломил треснувший панцирь врага и с наслаждением запустил челюсти в мягкую плоть. Побеждает сильнейший…

Через час он уже бежал прочь от места недавней схватки, подальше от

смертоносных лучей звезды, туда, где в прохладном сумраке пещер обитало его племя. “Лэт” – значит главный. Так он сзывал своих родичей: “Лэт! Лэт! Лэт!…”.

Каменистый склон все круче забирал вверх. Знакомые места.

Он перешел на быстрый шаг. Жара иссушала, панцирь накалился, и ему пришлось сделать привал в спасительной тени нависающего утеса. Он нашел узкую расселину, куда еще не проникал ни один луч, и втиснул в нее свое полуметровое тело. Так безопаснее и прохладнее.

Его племя еще недавно процветало, но сейчас наступили не лучшие времена. Детеныши регулярно вылуплялись из яиц, а еды вокруг становилось все меньше – теперь за ней приходилось спускаться вниз, на полную неведомых опасностей равнину. Давно пора уводить племя дальше, туда, где будет много еды и отыщутся новые прохладные пещеры. Но он не мог. Что-то неумолимое и властное удерживало его, не позволяя тронуться с места.

Порой его племя голодало. И чем чаще случались периоды неудач, тем сильнее менялось поведение родичей. Лишения и тяжкий труд охоты постепенно делали свое дело – Лэт все чаще замечал в членистых конечностях охотников неказистые на первый взгляд штуки – то острый осколок камня, то такую, как у него, палку или длинный шип со спины головонога. Это было не очень понятно, но хорошо. Хотя почему это хорошо, он не знал.

Вдруг Лэт встрепенулся. Лапу больно прижало между панцирем и скалой, но это сейчас не имело значения, потому что он снова почувствовал Зов. Та же сила, что не давала увести племя, заставляла его не раз срываться с места и бежать, бежать…

Вот и сейчас. Лэт выпростал тело из расселины и, круто повернувшись, устремился вниз, туда, где раскинула свои смертельные объятия равнина. Чувство было так сильно, что он уже не ощущал жары и усталости, не видел опасностей и не вспоминал о племени. Он бежал.

Лиловый диск уполз за фиолетовый горизонт, потом опять появился, но уже с другой стороны, и снова умер. И лишь с его третьим рождением впереди замаячил вход в небольшое ущелье. Лэт достиг его, уже едва передвигая конечностями, и совершенно обессиленный заполз в спасительную тень.

Дальше не было ничего, лишь мутная белесая стена. Теперь он будет лежать, набираясь сил для обратной дороги. Так было всегда: Лэт прибегал к этой стене и падал. Потом медленно приходил в себя и возвращался в горы, к своему племени, преодолевая на обратном пути сотни опасностей

равнины. И снова жил, до очередного Зова…

Он устало прикрыл глаза и вдруг услышал шорох. Мгновенно насторожившись, Лэт взглянул назад. К ущелью, со стороны равнины, приближался один из охотников его племени. Как он смог оказаться здесь? Это было ново и страшно. Но дальше стало еще страшнее.

Белесая стена расступилась, и из нее вышли невиданные животные – высокие и блестящие. Охотник уже успел добежать до входа в ущелье; они схватили его и поволокли к стене.

Лэт ощутил приступ смертельного ужаса и попытался бежать, но чудовища в одно мгновение настигли его и, несмотря на отчаянное сопротивление, поволокли вслед за плененным сородичем в глубь ущелья.

Глава 4

Андрей медленно открыл глаза. Он сидел, свесившись набок, в своем кресле, за пультом управления в неузнаваемой, *исправной* ходовой рубке. Радом в таких же безвольных позах обвисли удерживаемые страховочными ремнями бессознательные тела остальных членов экипажа.

Значит, удалось… – молнией мелькнула в его голове мысль, и вдруг он с болью ощутил, что помнит все: и их аварию, и принятое решение, и свою последующую жизнь, если животное существование можно назвать этим словом. Он ожидал омерзения, ненависти к себе, но этих чувств не было. Андрей боялся, что в случае успеха самым мучительным будет сознание того, КЕМ были они на протяжении этих лет. И он уже заранее решил взять весь груз этой нечеловеческой памяти на себя. Остальные просто не могли ничего помнить – они были фактически мертвы, когда прошли сквозь преобразователь. Но сейчас вопрос заключается не в этом…

Острое сознание собственной вины переполняло его. Тогда, шестьдесят лет назад, ослепленный горем и безысходностью он не смог предугадать западни, которую приготовил ему преобразователь.

Аппарат создали давно, еще на заре освоения Галактики, но пользовались преобразователем считанные разы – настолько противоестественно для человеческой натуры было то, что предлагала эта адская машинка выживания. Преобразователь “застыл” в развитии – его чисто машинально монтировали на кораблях; инструкции и программа так и остались неизменны с той далекой поры. Они не предусматривали наличие в экипаже женщин! Да, астронавты в случае аварии должны были выжить в адских условиях любой планеты: дышать ядовитым воздухом, питаться, но не больше!

Андрей взглянул на пульт, потом на тела товарищей и вздохнул. У него есть еще несколько минут, чтобы все исправить. Разве может человек испытывать что-то, кроме омерзения, к этим отвратительным осклизлым тварям? Они ведь даже не имеют права на существование, убеждал себя он. Нажать клавишу, ввести координаты и отпустить ее… Кассета боеголовок накроет заданный квадрат, смешав с обломками скал то, что называлось Племенем.

Он ясно представил, как это произойдет, и мучительно застонал, испытав приступ внезапной внутренней боли.

– Нет… не могу… – прошептал Андрей.

Ведь это были ИХ дети! Они не виноваты, что стали невольным следствием пребывания на планете людей. В этих существах страшно измененные преобразователем, но ИХ, человеческие, гены, и потому Племя – зачаток будущего разума. Андрей вдруг склонился к клавиатуре пульта и лихорадочно вызвал кибермозг. Он должен успеть…

– Командир… – раздался справа слабый голос Семена. – Ты жив?

Андрей вздрогнул и повернулся. Помнит ли он?

Первый пилот с трудом отстегнул забрало гермошлема и сжал зубами капсулу стимулятора.

– Я думал, конец… – выдохнул он. – Мы сели? Что с кораблем? Не помнит!

– Сработала гравиподушка, – ответил Андрей, ощущая гуляющую по телу нервную дрожь. – Корабль цел. Кибермеханизмы только что закончили осмотр. Зонд все же вышиб створы шлюза.

– Мне показалось, что он рванул… – В голосе пилота прорвалось недоумение.

– Да, – спокойно ответил командир. – Но уже в космосе, – уточнил Андрей.

В соседнем кресле шевельнулся Алан. Приходя в себя, слабо застонала Света. Андрей помог ей встать и склонился к Сергею, мельком заметив зеленый сигнал на панели кибермозга. От сердца отлегло. Значит, все останется как есть…

***

– Емкости с активным веществом подключены, – доложил Сергей, – теперь все в порядке.

В ходовой рубке было привычно светло и спокойно. Весело искрился сигналами пульт. На обзорных экранах, насколько хватал глаз, простиралась безжизненная равнина.

– Стартовая готовность! – приказал Андрей. Брови Семена удивленно взметнулись.

– А плановые исследования? – спросил он.

– Тебя не убедил состав атмосферы? Или сотня рентген в час оставляет сомнения?

– Нет, но мы обязаны…

– Ключ на старт! – резко оборвал его Андрей.

Семен молча пожал плечами и склонился к пульту. У командира

заскок. Такое бывает – нервы.

Через минуту корабль дрогнул и оторвался от равнины. Еще секунда, и он, объятый огнем планетарных двигателей, рванул вверх. Обзорные экраны наполнились звездами.

– Что дальше по полетному графику? – спросила Светлана.

– Ориентируй на Эпсилон-3, – ответил Алан и добавил: – Маршевые двигатели на разогреве, начат отсчет готовности.

Андрей молча наблюдал, как грязно-лиловый шар планеты медленно сползает на экраны заднего обзора. Это была ЕГО планета. Теперь во всех звездных каталогах она будет лишь мертвым камнем, сожженным жесткими излучениями звезды. Он будет молчать. Шестьдесят лет отставания легко скрыть в мгновенных рывках к звездам, в момент которых искажается не только пространство, но и время…

Он улыбнулся – первый раз за долгие годы. Товарищи живы. И его дети тоже будут жить…